

Т.В. Воробьева*

**АКТУАЛИЗАЦИЯ И ТРАНСЛЯЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО
ФОЛЬКЛОРНОГО НАСЛЕДИЯ
КАК ПРОЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОГО МУЗЕЙНОГО ОТНОШЕНИЯ К КУЛЬТУРЕ**

Современное общество настолько информировано, что не остается места «заблуждениям», которые способствовали, в свое время, формированию обрядовой традиционной культуры. Нужно признать, что обрядовые действия традиционной культуры обладали такими необходимыми культурными свойствами, которые зачастую оказываются нивелированы в современной культуре. Это такие качества, как высокая степень интеграции общества и толерантность.

Как следствие осознания значения этих культурных механизмов традиционной культуры, в мировом обществе обозначилась проблема сохранения национальных традиций в современных условиях, которые, зачастую, мало способствуют естественному функционированию традиционных национальных культур.

В России интерес к фольклорному наследию начался еще в 60-х годах XX века и выразился в активном обращении к фольклору композиторов «новой фольклорной волны», появлении аутентичных фольклорных коллективов, повышенном внимании к традиционному фольклору со стороны общества в целом.

Наряду с этим, с конца 1980-х годов, культурная общественность цивилизованных стран, а также международные общественные организации (ЮНЕСКО, Международный совет музеев) начали уделять внимание проблеме сохранения историко-культурного наследия, повышению в этом процессе роли музеев, как институтов социальной памяти.

Так, в 1984 году в Квебеке состоялся первый международный семинар «Экомuzeи и новая музеология», результатом которого явилась декларация, в которой была сформулирована программа развития музея на рубеже XX-XXI веков, предусматривающая интеграцию музея с другими социальными институтами и расширение его функций как транслятора нематериального культурного наследия.

«Нематериальное культурное наследие» в Конвенции «Об охране нематериального наследия», принятой на 32-сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО в 2003 году, определено так: это «обычаи, формы представления и выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструменты, предметы, артефакты и культурные пространства, признанные сообществами, группами и, в некоторых случаях, отдельными лицами в качестве части их культурного наследия. Такое нематериальное культурное наследие, передаваемое от поколения к поколению, постоянно воссоздается сообществами и группами в зависимости от окружающей их среды, их взаимодействия с природой и их истории и формирует у них чувство самобытности и преемственности, содействуя тем самым уважению культурного разнообразия и творчеству человека».

Одной из составляющих «нематериального культурного наследия» является национальный фольклор.

Современное общество, испытывая потребность в сохранении нематериального национального наследия, вынуждено реконструировать институты социальной памяти в соответствии с потребностями современной культуры.

Одновременно с научным осмыслением проблемы актуализации и трансляции традиционной культуры в современных условиях и попытками ее решить в данное время происходит активизация деятельности национальных общественных организаций по сохранению национальных традиций. Среди них Центр татарской культуры, Немецкое общество «Возрождение», Общество возрождения еврейской культуры, Национальные центры азербайджанской, армянской, грузинской, чувашской, латышской, башкирской, белорусской, украинской, бурятской и других культур.

Появление в рамках деятельности этих организаций фольклорных национальных коллективов, искусственно актуализирующих нематериальную национальную культуру, началось с конца 1990-х годов. В это же время во многих музеях Сибири стал широко использоваться метод искусственного моделирования традиционных фольклорных обрядовых действий. Например, в музее-заповеднике «Томская Писаница» с 2000 года проводятся реконструированные языческие обряды и праздники.

Активизация такого рода деятельности на фоне объективного угасания традиционной культуры выявляет действие «музейного отношения к действительности», которое до последнего времени связывали с предметной сферой культуры.

* © Т.В. Воробьева, Кемеровский ГУКИ, 2006.

Впервые понятие «музейное отношение к действительности» в научный обиход ввели словацкие музееведы З. Странский и А. Грегорова. Под «музейным отношением к действительности» они понимают специфический вид культурной деятельности человека, который выражается в собирании, накоплении, хранении предметов, имеющих для общества определенную специфическую ценность (даже после утраты их подлинной функции). Таким образом, музейное отношение к действительности, возникшее на определенной стадии развития человека и общества, по мнению А. Грегоровой, является одновременно и выражением культуры, и элементом самого культуротворческого процесса человека, общества и человечества [1].

З. Странский выделяет причины становления этого специфического вида культурной деятельности человека. По его мнению, музейное отношение к действительности сформировалось вследствие усложнения социального устройства и выразилось в появлении музеев как части системы социальной памяти [2].

Специфичность этого отношения связана с рядом факторов и, прежде всего, с тем что человек осознает течение времени с точки зрения развития, или, по терминологии А. Грегоровой, «троймерность действительности» (прошлое - настоящее - будущее). В музейном отношении это восприятие выражается в особом отношении к прошлому как свидетельству уже имеющегося опыта, в общественной потребности охранять и защищать свидетельства этого прошлого. При этом основополагающей мотивацией конкретной деятельности по собиранию, хранению и использованию предметов культуры выступает не любовь к старине как самоцель, а стремление подтвердить континуальность самого развития общества (и природы) для потребности настоящего времени (современности) и будущего [1].

Музейное отношение к действительности сформировалось как следствие сознательного отношения ко времени. Современные категории времени и пространства мыслятся автономно, то есть безотносительно к событиям, и, таким образом, могут рассматриваться абстрактно.

Линейному восприятию времени, как условию возникновения музейного отношения к действительности, предшествовало циклическое восприятие времени, которое было присуще архаическим обществам. А.Я. Гуревич утверждает, что «пространство и время в сознании людей ... выступают не в виде нейтральных координат, а в качестве могущественных таинственных сил, управляющих всеми вещами, жизнью людей и даже богов» [3].

Таким образом, «столь характерная для первого исторического типа культуры нерасчлененность знания и ценности, реального и идеального, природного и социального, общественного и личного и т.д. и т.п. приводила к неразличению временного и вечного, не позволяя воспринимать время как направление необратимых изменений», - утверждает М.С. Каган [4].

Л.А. Фрайнберг, исследуя представления о времени в первобытном обществе, приходит к выводу, что, хотя в первобытном обществе люди и различали три категории времени: прошлое, настоящее, будущее, все же считали возможным воплощение прошлого в настоящем [5]. Цикличность, характеризующая представление архаического человека о времени, исключала такие его признаки, как однократность и конкретность, присущие историческому восприятию действительности.

Сложившееся позже представление о линейности времени привносит в человеческое сообщество осознание необратимости происходящего, неспособности человека помешать исчезновению настоящего. В этой ситуации искусство предоставляло человеку возможность пережить снова безвозвратно ушедший опыт и, тем самым, восполнить человеческую потребность в переживании уже прошедшего.

«Искусство позволяет нам переноситься в прошлое и в будущее, вновь переживать безвозвратно ушедший опыт детства и юности, получать еще не обретенный личностью в реальности опыт зрелости и старости. Искусство позволяет смотреть из прошлого в будущее, оценивая причину по следствию, становление по результату: оно позволяет в бесчисленное число раз возвращаться к созерцанию «остановленного в образе мгновенья...» [4].

Человеку «необходимо дополнение его реальной практической жизни жизнью воображаемой, иллюзорной, потому что таким образом он обретает способность бесконечно раздвигать границы своего жизненного опыта опытом воображаемой жизни в мифологической, а затем в художественной реальности, которую человек конструирует по образу и подобию реальности подлинной, материальной, но свободно им реконструированной для достижения определенных культурных целей» [6].

Высказывания М.С. Кагана выражают потребность человечества в осознанном отношении к опыту предшествующих поколений, которое позволяет планировать деятельность и, тем самым, предопределять будущее.

Необходимо отметить, что осознание линейности времени способствовало пониманию искусства как средства хранения социально значимой информации, выполняющего, в том числе, компенсаторные функции, которые до этого момента осуществлялись в рамках обрядов и ритуальных действий. Позже, в эпоху эллинизма, функцию сохранения социально значимой информации стали выполнять первые осознанные попытки собирания и хранения предметов в качестве напоминания о том или ином событии.

Посредством музейной деятельности культура обрела еще одну возможность расширить человеческий опыт, раздвигая его не только временные, но и пространственные границы. В рамках современного музея

это происходит путем непосредственного контакта человека с музейными предметами и участия в традиционных национальных обрядах и праздниках.

Таким образом, деятельность национальных фольклорных коллективов по сохранению национального нематериального наследия, наряду с деятельностью музеев, выражает феномен «музейного отношения к действительности» и требует культурологического осмысления. Такой анализ позволит выявить специфические методы актуализации и трансляции национальных традиционных обрядов и праздников, используемые фольклорными коллективами, и применить эти методы в рамках музейной деятельности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грегорова А.К. основным проблемам музееведения / А.К. Грегорова // Музееведение. Музеи мира. - М., 1991. - С. 28 – 29.
2. Странский З. Понимание музееведения / З. Странский // Музееведение. Музеи мира. - М., 1991. - С.23, 25.
3. Гуревич А.Я. Представления о времени в средневековой Европе / А.Я. Гуревич // История психологии. – М., 1971. – С.167.
4. Каган М.С. Время как философская проблема / М.С. Каган // Каган М.С. Системный подход и гуманитарное знание. - Л., 1991. - С.114, 120,121
5. Фрайнберг Л.А. Представления о времени в первобытном обществе / Л.А. Фрайнберг // Советская этнография. - 1977. - №1. - С. 128-129, 131, 135.
6. Каган М.С. Философия культуры / М.С. Каган. - СПб., 1996. - С.146, 166.